

Удивительна эта новая ревизия Александра Солженицына! Столько чёрных пятен отыскано в биографии: он и в лагерь попал по расчёту — чтобы не погибнуть на фронте, и в лагере сумел устроиться библиотекарем, и свой фотопортрет для книги подготовил задним числом постановочным способом, и Америку призывал давить на СССР! Этого так много, что не остаётся места ни «Одному дню Ивана Денисовича», ни «Матрёнину двору», ни «Красному колесу», ни спорам с эмигрантами Третьей волны («Наши плюралисты») — всему тому, что вписало имя Солженицына в историю русской литературы второй половины XX века.

Нет смысла отрицать противоречия в личности писателя, но надо ли с таким усердием обличать его в год 100-летия со дня рождения? Как будто он жив, и пусть не думает, что мы про него не всё знаем!

Среди журнальных публикаций в подобном духе, посвящённых юбилюру, сошлюсь на одну.

Валерию Есипову, похоже, придаёт пылу англо-американская пресса, о которой он упоминает. Ныне она объявила о великих заслугах Солженицына в победе Запада в холодной войне против СССР. Но как же легко мы ведёмся на вражескую пропаганду! И начинаем следовать её логике в оценке своего соотечественника. Между тем концовка статьи Есипова его же самого и опровергает: «... Так называемая «солженизация всей страны»... никак не удаётся. Наверное, это закономерно...»¹. Так оно и есть, и потому весь предыдущий пафос с такой же закономерностью тускнеет. Если не удаётся, то зачем вздымать волну до высшей степени демонизации публициста, взявшегося за болезную тему и потому по-разному воспринятого читателем?

На этом можно было бы поставить точку и перейти к другому вопросу, более важному, на мой взгляд, но несколько заметок по поводу писательской судьбы Солженицына на родине всё-таки придётся сделать.

* * *

Да, Солженицын с его «Архипелагом» стал подарком Западу в борьбе с СССР. Так не надо было высылать его из страны в 1974 году! Надо было издать эту книгу здесь и здесь спорить с автором. Нашлись бы желающие его покритиковать. Власти зря испугались: устои социализма не рухнули бы, дискуссия наверняка прошла бы в конструктивном русле, поскольку в «Письме вождям Советского Союза» Солженицын высказывался за мирную эволюцию режима. А так — самая читающая в мире страна осталась в недоумении, считать Солженицына предателем или нет, не читая его произведения (газетам верили далеко не все), а писатель оказался в вермонтской изоляции. При своих идеях и концепциях, которые не с кем было обсудить.

На родину «Архипелаг ГУЛАГ» свободно пришёл лишь на рубеже 80—90-х годов. Особого потрясения он уже не вызвал. Во-первых, после «Одного дня Ива-

¹Есипов В. Солженицын и его апологеты // Сибирь. 2019. № 2. С. 171.

на Денисовича» тема утратила остроту новизны. Раны, нанесённые репрессиями, притупились. Совсем не то, что в самом начале 1960-х, когда рассказ был напечатан в «Новом мире» и «Роман-газете» огромным тиражом, а затем вышел отдельной книжкой, достигнув не только крупных городов, но и глубинки. Он явился в то время, когда невинно осуждённые, получив справку о реабилитации и небольшую денежную компенсацию, возвращались к нормальной жизни, и судьба Ивана Денисовича подтверждала перенесённые ими страдания, помогала выпрямиться. Наверное, этим людям было не очень важно, каким образом автор собирал материал, по какому разряду заключённых проходил. Достаточно того, что он из тех, кто «тоже сидел». Открылась тема, о которой до этого не говорили.

«Архипелаг» — это уже подробности, и могу свидетельствовать по кругу людей, связанных с литературой: дочитали до конца «Опыт художественного исследования 1918–1956 годов», как обозначено в подзаголовке, уже далеко не все, кто восхищался «Одним днём».

Во-вторых, подоспели новые потрясения. Вскоре средний советский класс будет ограблен (сгорят накопления в сбербанке) и лишён работы. Страна входила в полосу выживания, не зная, чего ждать. Не новые ли грядут репрессии? На старые оборачиваться некогда! Некогда стало читать вообще, и малое собрание сочинений Солженицына 1991 года, с «Архипелагом», романом «В круге первом», повестью «Раковый корпус», в народ проникнуть не успело.

Верхом наивности ожиданий спустя десятилетие стало включение «Архипелага» в школьные программы. Чем он мог напитать юношество? Внушить мысль, что такое не должно повториться? Да повторяется — разве не видно? Способы унижения человека неистощимы, была бы для этого почва. Стоило в этом случае прислушаться к В. Шаламову, который считал, что лагерный опыт — это отрицательный опыт, и он не может пригодиться в обычной человеческой жизни (см. предисловие к «Колымским рассказам»). У неокрепших духовно школяров скорее можно было вызвать желание бежать подальше из страны, в которой то репрессии, то застой, то перестройка.

Критика Солженицыным советской системы (а затем и перестройки) была во многом, безусловно, справедливой, неслучайно его поддержали Твардовский, Солоухин, Шафаревич, Распутин, Крупин, Бородин и другие. И в то же время — яростной, запальчивой. А запальчивость нередко приводит к ошибкам! Кто из пишущих этого не испытал? И у Солженицына они были: и в отношении к Шолохову, и к «среднеазиатскому подбрюшью», а его мечта о замене «образованщины» элитой была повергнута в прах мгновенным (до смешного) превращением новой российской элиты в «элитарщину», худший вид, как было замечено Распутиным, той самой «образованщины»! И это упование на союз трёх славянских республик, России, Белоруссии, Украины, — увы, не сбылось!

Одним словом, властителем дум Солженицыну стать не пришлось, разве на очень короткое время.

* * *

Что больше всего удивляет, так это обвинительный тон критиков Солженицына. Будто слово писателя повернуло руль корабля с именем «СССР» на рифы и скалы. Вот и Валентину Распутину дорого стоил в смятенье заданный вопрос: «Может, России выйти из Союза?..»

Писатели, философы, публицисты, разумеется, всегда влияли на общество — тем, что отражали реальность и пытались осмыслить её. Вершители судеб человечества опирались на их высказывания для убедительности своих действий. Так, вождь пролетариата Ленин часто цитировал классиков и написал всем известную статью «Лев Толстой как зеркало русской революции». Приходилось читать и про то, как большевики использовали публицистику великого писателя в своих прокламациях.

По аналогии с Толстым Распутин называет Солженицына зеркалом русской контрреволюции. Можно добавить: явившейся в результате застоя в головах идеологов социализма.

Распутин высоко отзывался о Солженицыне, художнике и мыслителе, чему свидетельство его статья «Жить по правде», здесь же, в «Сибири», приведённая. Автор «Матёры» никогда не ставил партийные интересы «выше России», и потому не стремился на чём-то подловить собрата по перу, взявшегося за сложную тему, хотя и не во всём был с ним согласен. Он предпочёл глубокое проникновение в предмет исследования и диалог. Распутин точно подметил, например, что «бунтарь говорил в нём (Солженицыне) сильнее и заглушил голос провидца». По поводу «Красного колеса» — что красным был не только обод, этот «обод сросся и с осью, и со ступицей... со всем отечественным ходом» и потому вырвать его из истории без крови и боли невозможно².

Такой подход более плодотворен.

Устраивают государственные перевороты не авторы «художественных исследований». Есть смысл вспомнить звание «профессиональный революционер», кое носили делатели революций. Есть смысл применить подобную терминологию и к тем, кто в 90-е годы развернул курс Страны Советов из развитого социализма в дикий капитализм.

* * *

По какому-то стечению обстоятельств как раз недавно попала на глаза история А.Н. Яковлева, высокопоставленного партийного деятеля советской эпохи. Эта история у всех на виду, и, тем не менее, она поражает.

Она о том, как человек из догматика марксизма-ленинизма превратился в его разрушителя, и подошёл к этому делу профессионально. Он сам про себя всё рассказал с откровенностью и гордостью победителя, которому нечего стесняться!

Вот его статья 1972 года «Против антиисторизма» (Литгазета. 1972. 15 нояб. С. 4–5). Она ещё в те далёкие времена удивила читателей. Даже нам, недавним студентам, показалась окриком типа: шаг в сторону от марксизма-ленинизма равняется побег. В то время как на лекциях по научному коммунизму преподаватели уже говорили нам, что «единственно верное учение» — не закозневшая догма, что оно требует творческого подхода, должно поверяться практикой, и т. д. От тогдашнего же исполняющего обязанности руководителя отдела пропаганды ЦК КПСС, кем являлся автор этой статьи, крепко досталось всем: и почвенникам (особенно), и националистам, и буржуазным публицистам, и диссидентам. Позиция Солженицына в романе «Август четырнадцатого» была оценена как «проявление открытой враждебности к идеалам революции, социализма», а поведение «новоявленного веховца» названо «чуждым и противным» советским литераторам.

²Сибирь. 2019. № 2. С. 161.

Между тем постепенные изменения как раз шли. Расширились рамки во взгляде на историю, почвенники, не помышлявшие о возврате к капитализму, предлагали рассматривать историю государства Российского во всей её полноте, возрастал интерес к вере предков — православию (против чего так же недовольно высказался тогда товарищ Яковлев).

Статья заканчивалась в духе несомненной преданности коммунистической идеологии: «Именно в марксизме-ленинизме как революционном учении пролетариата воплощены высочайшие человеческие духовные ценности».

А вот признания спустя тридцать лет, в 2000-е: «Давным-давно, более 40 лет назад (получается начало 60-х годов, за 10 лет до статьи «Против антиисторизма»), я понял, что марксизм-ленинизм — это не наука, а публицистика — людоедская и самоедская...».

Оказывается, ещё с 50-х годов, после XX съезда партии, на котором Хрущёв разоблачал культ личности Сталина, «в сверхузком кругу ближайших друзей и единомышленников» обсуждался путь поворота страны на иные рельсы. И это был путь не постепенный, а радикальный. «Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» (кавычки автора. — В.С.) позднего Ленина... Разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще». Далее — о номенклатурном аппарате (при Горбачёве): «Деятели были разные... Но все были циники. Все до одного, и я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам... истинные убеждения — держали при себе». «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, куда дело идёт».

Из откровений 1998 года: «Надо было с ней (системой) как-то кончать... У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы своё дело сделали». (Цитаты приведены из Википедии.)

В перестройку Яковлев уже ратовал и за Солженицына, и за возрождение православия, и добился новых наград на обновлённом поприще.

Вот какую работу провернули циники! Планово и поэтапно, лукавя и лицемеря, они готовили слом государства, которое имело свои устои и ценности, которое преодолело многие беды и ошибки и вырабатывало программу реформ, чтобы добиться более прочных улучшений. По сути, прозвучало признание в обмане народа «сверхузким кругом» лиц, которым была доверена судьба страны и её граждан, и которые вместо продуманных созидательных мер применили те же самые, осуждаемые ими, революционные подрывные методы.

Статья «Против антиисторизма» сегодня читается как провокационная, написанная с целью вызвать возмущение общества советской системой, как часть тайного плана, возникшего задолго до Горбачёва и Ельцина.

* * *

Писатель Солженицын, пройдя свой путь борьбы, открытий и заблуждений, к 1990-м годам озаботился совсем другим: как бы не погибла Россия под обломками советского строя. Он вернулся, чтобы помочь ей выстоять в условиях провозглашённой свободы. Он был бунтарём против режима, но гибели своей родине не

желал. Накануне краха СССР пишет статью «Как нам обустроить Россию», выступает против «прихватизации» и за сохранение народа как главной задачи для правителей. И что же? Недолго его слушали, недолго приглашали к микрофону победившие либералы. Они давно всё решили по-своему!

Солженицын опоздал. Впрочем, как и все мы. Его, как и нас, опередили перевертыши-плюралисты, подобные тем, с кем он спорил, ещё живя на Западе. Может быть, единственное, что ему удалось, так это поддержать талантливых деятелей отечественной культуры. Среди лауреатов премии Фонда А.И. Солженицына — патриотично мыслящая часть российского общества: писатели Е. Носов, В. Астафьев, В. Распутин, Л. Бородин, Б. Екимов, философ А. Панарин, кинорежиссёр В. Бортко — ныне уже более двадцати имён. То, что Солженицын стал награждать тех, кто сформировался в советскую эпоху, не говорит ли о признании ошибок, не говорит ли о покаянии гордого человека? И почему мы так жестоки, что не хотим принять этого покаяния? Почему каждый шаг расценивается как невероятная изворотливость и хитрость?

И неужели пристрастная оценка человеческих качеств писателя, и писателя крупной величины, что бы о нём ни говорили, — важнейшее на сегодня дело? Не достойнее ли было бы взвешенно отделить главное от не главного в его судьбе и мировоззрении, а не кидать камни вслед ушедшему?

Не лучше ли сосредоточиться на анализе «творений» так называемых архитекторов и прорабов перестройки, дать им оценку на уровне конкретных действий и конкретных деятелей и настаивать на выправлении провалов, преднамеренно организованных?

А заодно оборотиться на себя. Те, кому в конце 1980-х было 30–40–50 лет, могут спросить: а что сделал я, чтобы крушения страны не произошло? В чём состоял мой протест, когда стало ясно, в какую сторону двинулась перестройка? Вынуждены будем признать — многие из нас предпочли брезгливо отвернуться, укрыться за фразами: «да бесполезно всё!», «каждый должен заниматься своим делом», хотя как раз остались не у дел.

Мы по-прежнему не в курсе, что затевается в «сверхузких кругах», какой очередной поворот нам уготован и кого мы будем обвинять завтра. Остаётся уповать на то, что нынешний «сверхузкий круг» не встанет на путь «профессиональных революционеров» и не будет взрывать страну изнутри, а уйдёт в отставку, как это принято в случае несогласия с политикой верховной власти. Тогда и обществу будет легче объективно оценивать вклад личности в историю.